

УДК 321

DOI: 10.52531/1682-1696-2026-26-2-17-23

Научная статья

EDN: HMFVIC

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПАРАДИГМЫ ЗАЩИЩЕННОСТИ И ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

А.В. Опалев¹, А.А. Опалева²

¹ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ РАН, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ ГЕОПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ РАЕН (Москва, Россия)

² АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ (Москва, Россия)

В статье раскрывается содержание двух наиболее распространенных парадигм безопасности – парадигмы защищенности и парадигмы развития, указываются их достоинства и недостатки. Отмечается, что для национальной безопасности России наиболее адекватным представляется не выбор одной парадигмы, а их синтез, в котором парадигма развития является стратегической целью и основой долгосрочной устойчивости, а парадигма защищенности – тактическим и операционным условием, обеспечивающим это развитие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безопасность, парадигма безопасности, парадигма защищенности, парадигма развития, национальная безопасность Российской Федерации.

Original article

NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE PRISM OF THE SECURITY PARADIGM AND THE DEVELOPMENT PARADIGM

A.V. OPALOV¹, A.A. OPALOVA²

¹ CENTER FOR SECURITY STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA)

² ACADEMY OF MANAGEMENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA (MOSCOW, RUSSIA)

This article explores the two most common security paradigms – the security paradigm and the development paradigm – and identifies their advantages and disadvantages. It notes that, for Russia's national security, choosing not just one paradigm, but a synthesis of both, in which the development paradigm is the strategic goal and the foundation of long-term sustainability, and the security paradigm is the tactical and operational condition that ensures this development, appears most appropriate.

KEY WORDS: security, security paradigm, paradigm of protection, paradigm of development, national security of the Russian Federation

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно в отечественной науке безопасность рассматривается не просто как отсутствие опасности, а как состояние объекта безопасности – его защищенность. Этот подход предполагает наличие определенных барьеров, механизмов и ресурсов, которые позволяют объекту (человеку, социальной группе или государству) сохранять свою идентичность, целостность и потенциал развития вопреки деструктивным воздействиям.

Однако в последние десятилетия набирает силу альтернативный взгляд, рассматривающий безопасность не как статичное состояние, а как процесс развития,

создающий устойчивость к вызовам. Эти две парадигмы – безопасность как защищенность и безопасность как развитие¹ – формируют в настоящее время сложный дискурс о том, что значит быть в безопасности в нестабильном мире. Они представляют разные философии безопасности с уникальными достоинствами и недостатками. В современном мире, сталкиваемом с гибридными угрозами и системными вызовами, понимание этой дихотомии становится критически важным для формирования эффективной стратегии обеспечения безопасности государства.

¹ Н.Н. Рыбалкин, одним из первых поставивший вопрос двух парадигмах безопасности, называет их парадигмами защищенности и самоуправления [4].

Фундамент понимания безопасности в России был заложен Законом РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности». В нем безопасность определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [2]. Это определение стало классическим для российской науки о безопасности. В его основе лежит триада: объекты безопасности (личность, общество, государство), предмет защиты (жизненно важные интересы как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития), наличие источника дестабилизации (внутренние и внешние угрозы).

В новом Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» прямое определение «защищенность» было опущено в пользу описания принципов и содержания деятельности по обеспечению безопасности [7]. Однако это не означало отказ от концепции. Напротив, Стратегия национальной безопасности РФ (в редакциях 2015 и 2021 гг.) вернула и закрепила понимание национальной безопасности как состояния защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются конституционные права и свободы граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет и целостность страны.

СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Парадигма защищенности – это традиционная модель безопасности, фокусирующаяся на идентификации, сдерживании и нейтрализации конкретных угроз – военных, террористических, кибернетических, информационных и т.д. В данной парадигме государство воспринимается как крепость, требующая укрепления границ, наращивания оборонительного потенциала и создания силовых институтов. На всех этапах ее существования основная идея остается неизменной: идентифицировать угрозу и создать барьер между ней и защищаемым объектом.

Парадигма защищенности как концептуальная основа обеспечения безопасности государства представляет собой классический подход, фокусирующийся на защите суверенитета, территориальной целостности и политической системы от внутренних и внешних угроз через создание многоуровневых оборонительных систем и механизмов предотвращения рисков. Эта модель, уходящая корнями в Вестфальскую систему международных отношений, продолжает оставаться актуальной в современной геополитической реальности, хотя и претерпевает существенные трансформации под влиянием новых вызовов.

Сущность парадигмы защищенности определяется ее объектом – государством – главной ценностью, подлежащей охране. Безопасность в этой логике достигается через построение защитных барьеров, контроль

над угрозами и поддержание статус-кво. Исторически этот подход формировался в ответ на необходимость защиты от военной агрессии, что определило его ключевые характеристики: приоритет силовых решений, централизацию управления безопасностью, четкое разделение на внутреннюю и внешнюю безопасность, а также акцент на физических мерах защиты. Государства, следующие этой парадигме, создают многослойные системы обороны, начиная с дипломатических инструментов сдерживания и заканчивая прямым военным противодействием, при этом главным гарантом безопасности считается способность государства самостоятельно защищать свои интересы без существенной зависимости от внешних факторов.

В классическом понимании парадигма защищенности реализуется через несколько взаимосвязанных компонентов. Военная безопасность остается фундаментом, включающим поддержание обороноспособности, развитие военных технологий, планирование оборонных операций и сдерживание потенциальных агрессоров через демонстрацию силы. Пограничный контроль и территориальная целостность обеспечиваются через физическую охрану границ, иммиграционный контроль и противодействие сепаратизму. Внутренняя безопасность достигается деятельностью правоохранительных органов и спецслужб, направленной на предупреждение и пресечение угроз общественному порядку, терроризма, экстремизма и организованной преступности. Экономическая безопасность в рамках этой парадигмы часто понимается как защита стратегических отраслей, обеспечение ресурсной независимости и противодействие санкционному давлению. Информационная безопасность традиционно сводится к защите государственных секретов и контролю над информационным пространством.

Сильные стороны парадигмы защищенности особенно очевидны в условиях острых кризисов и прямых угроз. Эта парадигма обеспечивает четкость в определении ответственности, оперативность реагирования, возможность концентрации ресурсов на критических направлениях и создает психологическое ощущение защищенности у граждан. Во время вооруженных конфликтов, террористических атак или природных катастроф именно логика защиты позволяет быстро мобилизовать силы и средства для нейтрализации угрозы. Эта парадигма также способствует формированию национальной идентичности, сплачивая общество перед лицом общего противника, и стимулирует развитие оборонных технологий, которые нередко имеют гражданские применения.

Однако в современном мире парадигма защищенности сталкивается с принципиальными ограничениями, обусловленными трансформацией природы угроз. Стремление к абсолютной защищенности («нулевому риску») утопично. Классическая модель защищен-

ности была рассчитана на понятные угрозы: внешняя агрессия, преступность, эпидемии. Вместе с тем последовательная реализация идеи защищенности, как показал опыт СССР и других стран, неизбежно порождает потребность в существовании опасностей, которые персонифицируются в образе врага, пусть даже мнимого. Наличие врага является необходимым компонентом обеспечения безопасности, поскольку в рамках парадигмы защищенности безопасность утверждается не сама по себе, а именно в борьбе с опасностями и их носителями – врагами. Государство, чтобы быть в безопасности, должно не уступать своим противникам и находиться в готовности бороться с опасностями и угрозами.

Современные угрозы не имеют четких границ. Глобализация создала взаимосвязанный мир, где многие вызовы не укладываются в национальные границы: киберугрозы, пандемии, климатические изменения, миграционные кризисы, транснациональная преступность требуют иных стратегий. Невозможно построить стену от компьютерных вирусов или изоляционистскими мерами остановить изменение климата. Кроме того, чрезмерный акцент на защите может привести к милитаризации политики, сокращению гражданских свобод, экономической изоляции и формированию «осажденной крепости», которая теряет конкурентные преимущества в глобальной экономике.

Особенно явно ограниченность традиционного подхода проявляется в цифровую эпоху. Киберпространство существует вне национальных границ, а информационные атаки могут исходить от негосударственных акторов, что снижает эффективность традиционного сдерживания. Современные гибридные войны сочетают военное давление с экономическим принуждением, информационными операциями и кибератаками, требуя комплексного ответа, выходящего за рамки силовых мер. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что биологические угрозы представляют не меньшую опасность, чем военные, но против них бессильны даже самые современные армии.

Следует учитывать и то, что защищенность – это оценочная категория, в значительной мере имеющая субъективное содержание [3, с. 92]. То, что одними субъектами (личностью, обществом, государством) оценивается как состояние защищенности (безопасности), другими может восприниматься как угрожающее безопасности.

В связи с этим парадигма защищенности эволюционирует, интегрируя элементы других подходов. Современные стратегии национальной безопасности различных государств сочетают традиционные оборонительные меры с инструментами «умной силы», экономической дипломатии, киберзащиты и международного сотрудничества. Защита критической инфраструктуры теперь включает не только физическую

охрану объектов, но и резервирование энергетических и цифровых систем, подготовку кадров в области кибербезопасности и создание правовых механизмов противодействия новым угрозам. Акцент смещается с пассивно оборонительных на активно оборонительные стратегии, предполагающие не только отражение атак, но и формирование благоприятной внешней среды, снижающей мотивацию потенциальных противников к агрессии.

Принципиальное значение приобретает баланс между защищенностью и открытостью. Полная изоляция невозможна и контрпродуктивна в современной экономике, основанной на глобальных цепочках создания стоимости. Экономическая безопасность все чаще понимается не как независимость от внешних обстоятельств, а как обеспечение конкурентных преимуществ и устойчивости к внешним шокам через диверсификацию, инновации и стратегическое партнерство.

Для России парадигма защищенности имеет особое значение. Исторический опыт России сформировал глубоко укорененную в государственном управлении и общественном сознании парадигму защищенности. Огромная территория, протяженные границы, опыт противодействия многочисленным вторжениям и разрешения конфликтов сделали безопасность в смысле военно-политического суверенитета и территориальной целостности абсолютным приоритетом. Современный геополитический контекст, характеризующийся санкционным давлением, конфронтацией с Западом, нестабильностью на постсоветском пространстве и напряженностью в сфере стратегической стабильности, постоянно воспроизводит модель «осажденной крепости». В этих условиях элементы парадигмы защищенности – поддержание ядерного паритета, развитие вооруженных сил нового типа для гибридных конфликтов, обеспечение экономической и технологической устойчивости к внешнему давлению, защита информационного суверенитета – остаются не просто актуальными, а жизненно необходимыми. Для России военно-стратегический щит, способность противостоять угрозам, исходящим от иностранных государств и организаций, были и остаются неременным условием самого существования государства как суверенного актора, позволяя вести самостоятельную внешнюю политику и ограждать внутреннее пространство от вмешательства извне.

Однако опора исключительно на парадигму защищенности несет в себе системные риски долгосрочного характера, которые становятся все более очевидными на современном этапе. Ориентация на мобилизацию и изоляцию может законсервировать сырьевую модель экономики, привести к технологическому отставанию, истощению человеческого капитала из-за «утечки умов» и снижению качества жизни российских граждан, что в перспективе подрывает

внутреннюю стабильность – основу любой безопасности. Современные угрозы, такие как кибератаки, демографические вызовы, зависимость от импорта критических технологий и социальное неравенство, требуют обращения к логике парадигмы развития.

Парадигма защищенности сохраняет свое значение как необходимый элемент национальной безопасности, но в современном мире она должна быть интегрирована в более универсальную стратегию, сочетающую защитные меры с инструментами развития, дипломатии и международного сотрудничества. Государства, способные создать сбалансированную систему, которая обеспечивает защиту от угроз, не жертвуя при этом возможностями для развития, получают устойчивые конкурентные преимущества. Ключевым становится не отказ от парадигмы защищенности, а ее адаптация к новым реалиям, где границы между внутренним и внешним, военным и гражданским, физическим и виртуальным становятся все более размытыми. Будущее национальной безопасности лежит в синтезе традиционной логики защиты с современными подходами, учитывающими комплексный характер угроз в глобализованном мире.

В этих условиях о себе заявляет парадигма безопасности как развития, которая утверждает, что подлинная и долгосрочная безопасность достигается не столько за счет максимальной защиты от внешних деструктивных воздействий, сколько за счет внутреннего роста, укрепления потенциала и создания благоприятных условий для процветания. Развитие становится главной превентивной мерой, устраняющей глубинные причины нестабильности и уязвимости.

Парадигма безопасности как развития зародилась после окончания второй мировой войны, но получила особое признание в конце XX века. Это проактивная, превентивная модель, рассматривающая безопасность как результат комплексного развития: экономического, социального, технологического, человеческого. Угрозы понимаются как производные от недостатков в развитии, а безопасность – как способность общества к адаптации, инновациям и устойчивости.

В современной геополитической и социально-экономической реальности парадигма развития утверждается как фундаментальная основа обеспечения национальной безопасности, предлагая стратегический переход от защиты от угроз к активному созданию условий устойчивого развития. Эта концепция базируется на постулате о том, что подлинная безопасность не сводится к отсутствию непосредственных опасностей, а является производной от комплексного социально-экономического прогресса, качества институтов и благосостояния граждан. В отличие от традиционной парадигмы защищенности, ориентированной на построение барьеров и нейтрализацию угроз, парадигма развития рассматривает безопасность как свойство динамической устойчивости объекта.

Парадигма «безопасность как развитие» исходит из того, что многие угрозы (экстремизм, преступность, социальные конфликты) являются следствием глубинных проблем: бедности, неравенства, отсутствия образования, низкого качества жизни, несправедливости, слабости институтов. Устранение этих причин через развитие повышает уровень безопасности. Вместо реагирования на уже возникшие угрозы, эта парадигма нацелена на формирование таких условий, при которых угрозы либо не возникают, либо их деструктивный потенциал минимален в силу мощи объекта безопасности.

Стратегическая сущность парадигмы развития заключается в понимании того, что уязвимости государства часто коренятся не столько во внешних вызовах, сколько во внутренних дисбалансах и недостатках развития. Таким образом, обеспечение безопасности через развитие формирует «иммунную систему» государства, его способность адаптироваться к вызовам и сохранять стабильность в условиях изменчивости. Парадигма развития исторически характерна, например, для американского менталитета, который отражает исторический опыт выживания американской нации в условиях отсутствия непосредственной опасности для государства.

Однако реализация парадигмы развития как основы безопасности сопряжена с серьезными вызовами. Она требует долгосрочного стратегического планирования, выходящего за рамки краткосрочных политических циклов, и готовности к значительным первоначальным инвестициям, отдача от которых может быть отсроченной. Существует риск создания «возможностей уязвимости», когда перераспределение ресурсов от силовых структур в пользу социальных и экономических программ временно ослабляет традиционные инструменты защиты. Кроме того, эффективность парадигмы развития зависит от благоприятной или, по крайней мере, управляемой внешней среды: международные санкции, торговые войны и глобальные кризисы могут подорвать даже самые продуманные планы развития.

Обеспечение безопасности развивающейся системы – это одна из самых сложных задач в теории управления и национальной безопасности. В отличие от статических систем, где безопасность сводится к охране неизменных границ и структур, в развивающейся системе объект защиты постоянно меняется. Безопасность здесь понимается не как состояние покоя, а как управление рисками трансформации. Развитие всегда порождает нестабильность, и задача безопасности – сделать так, чтобы эта нестабильность была созидательной, а не разрушительной. Как справедливо замечает В.В. Богатырев, одной из главных проблем реализации данной парадигмы является невозможность просчитать все факторы риска и спрогнозировать реакцию на них внутренних элементов

системы. Но если невозможно полностью спрогнозировать возникающие проблемы, то по крайней мере необходимо стремиться к этому, снижая процент возможных рисков с помощью управляемой модернизации [1, с. 12].

Поэтому критически важным становится не замещение, а интеграция парадигмы развития с элементами парадигмы защищенности. Современная ситуация требует, чтобы стратегия национальной безопасности представляла собой синтез, при котором развитие создает основу для долгосрочной устойчивости, а силовые и защитные механизмы обеспечивают необходимую безопасность на переходных этапах и для реагирования на острые кризисы.

Для России актуализация парадигмы развития в контексте безопасности приобретает особую значимость в условиях структурных экономических вызовов, технологических ограничений и демографических тенденций. Это требует пересмотра приоритетов государственной политики в пользу инвестиций в «экономику знаний», поддержку инноваций, модернизацию социальной инфраструктуры и укрепление социальных институтов. Безопасность, основанная на развитии, – это безопасность, встроенная в саму основу общества и экономики, делающая государство не просто защищенным, но устойчивым, адаптивным и способным самостоятельно определять свою траекторию эволюции в сложном и конкурентном мире. Таким образом, парадигма развития представляет собой не альтернативу защите, а ее трансформацию – переход от безопасности как состояния выявления опасностей и угроз и готовности к их отражению, к безопасности как способности нации к устойчивому и суверенному развитию в условиях постоянных изменений, глобальных и региональных вызовов.

Для реализации парадигмы развития требуется такой высокий уровень эффективности системы обеспечения безопасности, при котором основные усилия могут быть направлены не на борьбу с опасностями, а на создание условий для эффективного развития. Вот почему Россия с учетом уровня своего развития и внешних опасностей не может в полной мере реализовать парадигму развития, отказавшись от парадигмы защищенности. Она вынуждена укреплять свою защищенность, одновременно стремясь обеспечить высокие темпы развития. В условиях специальной военной операции это сыграло свою положительную роль, позволив в кратчайшие сроки и относительно безболезненно для экономики ускорить переход на обеспечение нужд операции.

Страны ЕС, длительное время находившиеся под опекой США, в качестве основы своей безопасности избрали парадигму развития, значительно сократив свой защитный военный потенциал. Это позволило сохранять высокие темпы экономического развития и обеспечивать высокий уровень жизни населения.

С приходом к власти Д. Трампа и резким разворотом США в отношениях с Европой, ЕС оказался открытым перед лицом внешних угроз, нередко иллюзорных, сознательно декларируемых руководством многих государств, входящих в ЕС, с целью сохранить «зонтик» США для обеспечения своей безопасности.

Безопасность как развитие – это признание того, что в современном мире самой большой опасностью является остановка в развитии. Для России эта концепция сегодня жизненно важна. Обеспечение государственной целостности и суверенитета невозможно через простое закрытие границ или консервацию старых порядков. Напротив, только через радикальное улучшение качества государственного управления, образования, технологий и человеческого капитала страна может стать «неуязвимой».

Современная реальность показывает, что ни одна из названных парадигм безопасности в чистом виде не является достаточной. Наиболее эффективные стратегии безопасности сочетают элементы обеих парадигм. Исторический опыт доказал, что государства, положившие в основу своей безопасности исключительно защищенность, со временем сталкиваются с системным отставанием, которое в конечном счете подрывает безопасность. Государства, фокусирующиеся только на развитии без адекватной защиты, оказываются уязвимыми от внутренних и внешних потрясений.

Обеспечение безопасности требует диалектического синтеза: защищенность без развития ведет к застою и устареванию, а развитие без защищенности делает достижения уязвимыми. Интегральный подход объединяет эти понятия в концепцию «динамической устойчивости», или «антихрупкости»². В этом синтезе безопасность понимается как способность системы выдерживать удар (защищенность), быстро восстанавливаться и использовать удар как стимул для роста (развитие). Например, введение санкций против России – это вызов для «защищенности». Но ответ государства заключается в стимулировании импортозамещения и технологического суверенитета – это уже «безопасность через развитие». В итоге государство должно стать сильнее, чем было до столкновения с угрозами.

Таким образом, вопрос не в выборе между защищенностью и развитием, а в создании динамической, адаптивной системы, способной балансировать между немедленной реакцией на угрозы и стратегическим инвестированием в динамическую устойчивость.

² Понятие антихрупкости введено американским профессором Н. Talebom. Оно означает методологию подготовки различных систем (государств, организаций, людей) к стрессовым ситуациям, способность выдерживать сильное воздействие или неожиданные события на пользу от их возникновения, а также использовать деструктивные воздействия как стимул совершенствования и развития [5].

Определение приоритетной парадигмы обеспечения национальной безопасности для современной России представляет собой сложную стратегическую задачу, требующую учета исторического наследия, геополитического положения, структурных особенностей экономики и социальных отношений. Анализ показывает, что ни парадигма защищенности, ни парадигма развития в их чистом виде не могут адекватно ответить на комплекс вызовов, стоящих перед страной. Россия исторически и геополитически вынуждена принять синтетическую модель, которая органично сочетает элементы обеих парадигм, но с четким пониманием их иерархии и последовательности применения в различных ситуациях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для России наиболее адекватным представляется не выбор одной парадигмы, а построение динамической иерархической модели, в которой парадигма развития является стратегической целью и основой долгосрочной устойчивости, а парадигма защищенности – тактическим и операционным условием, обеспечивающим суверенное пространство для этого развития. Это можно выразить формулой – защищенность для развития, развитие для устойчивой безопасности.

На наш взгляд, практическая реализация этой модели должна основываться на нескольких принципах.

1. Обеспечение базового уровня защищенности как фундамент. Никакое развитие невозможно в условиях непосредственных военных угроз или потери экономического суверенитета. Поэтому приоритетом остаются: поддержание надежного ядерного и конвенционального сдерживания, защита государственного суверенитета и конституционного строя, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, создание технологических барьеров против критических угроз (киберзащита, биобезопасность).

2. Технологический суверенитет как стержень синтеза. Для России преодоление критической технологической зависимости – одновременно задача и защищенности (независимость от враждебных поставщиков), и развития (создание точек роста новой экономики). Прорыв в таких сферах, как микроэлектроника, искусственный интеллект, биотехнологии, новые материалы и «зеленая» энергетика, станет материальной основой для сбалансированной модели безопасности.

3. Гибкость и адаптивность стратегии. В периоды острых внешних кризисов или прямых угроз допустим тактический сдвиг в сторону мер защищенности (усиление контроля, мобилизация ресурсов). Однако такая политика должна носить временный характер с четким пониманием, что ее долгосрочное сохранение ведет к стагнации. Как только непосредственная угро-

за отступает, стратегический вектор должен уверенно возвращаться к приоритету развития.

Эти принципы нашли отражение в Стратегии национальной безопасности РФ, в которой парадигмы защищенности и развития тесно переплетены. В частности, в ней подчеркивается, что национальные интересы включают в себя как защиту суверенитета (защищенность), так и повышение качества жизни и экономический рост (развитие). Угрозой безопасности, например, признаются не только деятельность иностранных государств, наносящая ущерб России, но и низкая конкурентоспособность экономики и зависимость от импортных технологий [6].

Таким образом, соотношение парадигмы защищенности и парадигмы развития можно описать формулой: защищенность – это возможность выживания сегодня, а развитие – это гарантия безопасности завтра. Идеальным балансом является использование средств защищенности для ограждения процесса развития, который, в свою очередь, делает саму защиту более эффективной и менее затратной. Для современной России выбор в пользу синтеза парадигм является безальтернативным. Ориентация лишь на парадигму защищенности ведет в тупик самоизоляции и отставания, абсолютизация парадигмы развития в нынешних международных условиях игнорирует реальность противостояния и делает страну уязвимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. БОГАТЫРЕВ В.В. Безопасность и устойчивое развитие через призму цикличности развития социальных систем // Вестник Владимирского гос. ун-та. Серия: Юридические науки. 2020. № 1 (23). С. 11–13.
2. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15.
3. МЕЛИХОВ А.И., ПРАЦКО Г.С., АНДРЮЩЕНКО Т.И. Понятия «безопасность» и «защищенность» в современной теории национальной безопасности / Актуальные проблемы частного и публичного прав: Сб. науч. трудов Всерос-ой науч.-практич.конф. Волгоград, 2024. С. 88–93.
4. РЫБАЛКИН Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Серия 7. «Философия». 2003. № 5. С. 36–52.
5. ТАЛЕВ Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Колибри, 2022. 769 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 30.01.2026).
7. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета, 2010. 29 декабря.

REFERENCES

1. **BOGATYREV V.V.** Security and Sustainable Development through the Prism of the Cyclical Development of Social Systems. *Vestnik Vladimirskogo gos. un-ta. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. 2020; 1; (23):11–13. (In Russian).
2. Law of the Russian Federation of March 5, 1992 N 2446-I "On Security". *Vedomosti S"yezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. 1992; 15. (In Russian).
3. **MELIKHOV A.I., PRATSKO G.S., ANDRYUSHCHENKO T.I.** The concepts of "security" and "protection" in the modern theory of national security. Actual problems of private and public law: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference. Volgograd, 2024: 88–93. (In Russian).
4. **RYBALKIN N.N.** The nature of security. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. «Filosofiya»*. 2003; 5: 36–52. (In Russian).
5. **TALEB N.** Antifragility. How to Profit from Chaos. Moscow: KoLibri, 2022: 769. (In Russian).
6. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date of access: January 30, 2026). (In Russian).
7. Federal Law of December 28, 2010 N 390-FZ "On Security". *Rossiyskaya Gazeta*, 2010. December 29. (In Russian).

Опалев Александр Васильевич,

д.филос.н., профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН, председатель секции геополитики и безопасности РАЕН

☎ 117335, г. Москва, ул. Гарибальди, д. 21б,
117335, Moscow, st. Garibaldi, 21b,
тел.: +7 (499) 128-69-76,
e-mail: raenbezopasnost@yandex.ru,

Опалева Алла Анатольевна,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

☎ 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8,
125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh
St., 8,
e-mail: allaopaleva@yandex.ru